

Цитата или случайный стих?

(Plut. *Compar. Alcib. et C. Marc. 2*)

Читая Плутархово заключение к биографиям Алкивиада и Кориолана, можно обратить внимание на подчеркнутое в приводимом ниже тексте высказывание, формально соответствующее ямбическому триметру (*Compar. Alcib. et C. Marc. 2, 233 e-f*)¹:

“Οτι τοίνυν ἀπλοῦς τις ὁ Μάρκιος ὑπέιληπται τῷ τρόπῳ γεγονέναι καὶ αὐθέκαστος, ὁ δ' Ἀλκιβιάδης πανοῦργος ἐν τῇ πολιτείᾳ καὶ ἀναλήθης, οὐκ ἄδηλόν ἐστι. μάλιστα δὲ κατηγοροῦσιν αὐτοῦ κακοήθειαν καὶ ἀπάτην, ἢ τοὺς Λακεδαιμονίων πρέσβεις παρακρουσάμενος, ὡς Θουκυδίδης ἱστόρηκε, τὴν εἰρήνην ἔλυσεν. ἀλλ' αὐτὴ μὲν ἡ πολιτεία, καίπερ εἰς πόλεμον αὐθις ἐμβαλοῦσα τὴν πόλιν, ἰσχυρὰν ἐποίησε καὶ φοβερὰν τῇ Μαντινέων καὶ Ἀργείων συμμαχίᾳ δι' Ἀλκιβιάδου προσγενομένη. Μάρκιος δ' ὅτι μὲν ἀπάτη καὶ αὐτὸς ἐξεπολέμωσε Ρωμαίους καὶ Οὐολούσκους, διαβαλῶν ψευδῶς τοὺς ἦκοντας ἐπὶ τὴν θέαν, Διονύσιος ἱστόρηκεν. ἡ δ' αἰτία φαυλότερον ποιεῖ τὸ ἔργον.

Способы введения стихотворных цитат у Плутарха как хранителя литературной традиции и мастера цитировать² разнообразны; заключительные части биографий – те самые отделы, где Плутарховы параллели пересекаются, – в этом отношении отнюдь не исключение. Оно и понятно: прямая ссылка или легкий намек на какое-нибудь веками признанное речение придает заключительным высказываниям биографа и литературность, и вящую убедительность.

Так, в близком соседстве с приведенным выше пассажем – в той же σύγκρισις 233 f – 234 a – есть почти несомненный намек

¹ *Plutarchi Vitae Parallelae*, rec. Cl. Lindskog et K. Ziegler. I. 2 (Lipsiae 1959).

² Плутарх не только имел в этом огромную практику, тем более, что, цитируя многие тексты неоднократно, он особенно нуждался в новизне освещения приводимых им текстов и в разнообразии способов их введения в свое повествование; вопросу об уместности той или иной цитаты в определенной ситуации Плутарх посвятил отдельную и занятную заметку: *Quaest. conviv.* IX, 1, 736 c – 737 c.

на два стиха из Менандра (fr. 516 Körte = Stob. III, 20, 6 с пометой Μενάνδρου)³. Эта аллюзия на Менандра, которого Плутарх, как известно, высоко ценил и часто цитировал, показывает, как искусно он вводит классические тексты в свое изложение, иной раз свободно вплетая их в ткань своей фразы.

Обратимся к анализу замеченной нами правильной метрической серии с цезурой на своем месте и без нарушения правил распределения слов в пределах триметра:

εἰς πόλεμον αὔθις ἐμβαλοῦσα τὴν πόλιν.

Метрически перед нами стих. С другой стороны, надо признать, что ничего примечательно поэтического в дикции этого высказывания не видно – ни сентенции, ни сколько-нибудь ощутимой образности, ни какой бы то ни было необычности в выражениях. Более того, если просмотреть с помощью TLG основные случаи употребления ἐμβάλλω (в aor. act. et med. их за 300, в praes. – менее 100), то обнаруживается ряд примеров, когда Плутархова проза повествует о драматических событиях в жизни государства в весьма сходных выражениях.

Так, в биографии Фокиона (*Phoc.* 32, 8) находим слова εἰς πόλεμον ἐμβαλεῖν τὴν πόλιν, а в биографии того же Алкивиада (*Alcib.* 26, 5) нечто сходное, хоть отчасти и противоположное: τὸν πόλεμον εἰς τὴν πόλιν ἐμβαλόντας (ср. *Cato Min.* 35, 1) – здесь не город ввержен в войну, а война (гражданская) ввергнута в город. В сходных выражениях ведется рассказ в *Reg. et imp. apophth.* 188d: εἰς τὸν πόλεμον ἐμβαλόντες τὴν πόλιν ἐλπῖσιν λαμπραῖς или в *Demosth.* 25, 3: φυλάττεσθαι μὴ τὴν πόλιν ἐμβάλωσιν εἰς πόλεμον. По лексике и синтаксису похожи на интересующий нас колон и места из *Nim.* 6, 1: μὴ σφᾶς αὔθις εἰς

³ John Adams Scott. A Tragic Fragment of Ion // *Studies in honor of Basil L. Gildersleeve* (Baltimore 1902) 481 f. В словах Плутарха ἀλλ' ὀργὴ χαριζόμενος, κατ' ἧς οὐδένα φησὶν ὁ Δίων ἀπολαβεῖν χάριν Скотт предлагал видеть общий для Менандра и Плутарха источник, а именно трагика Иона. Имя последнего Скотт извлекал, переделывая ὁ Δίων в ὁ δ' Ἴων и вводя ряд других более изобретательных, чем убедительных соображений. Надежнее оставаться при Дионе: по-видимому, имеется в виду Дион Александрийский, которого упоминает Плутарх в *Quaest. conv.* I prooem., 612 d – мастеру жанра συμποτικῶι διάλογοι (см. K. Ziegler. *Plutarchos // RE XXI* [1951] 889) творческая работа с цитатами вполне идет. Заострение формулировки χαριζόμενος ... χάριν, по достоинству оцененное Скоттом, принадлежало, судя по контексту (и вопреки Скотту) Диону Александрийскому.

στάσιν ἐμβαλεῖν καὶ πόλεμον ἐμφύλιον или из *Fab. Max.* 8, 9: τὴν τε πόλιν ἐμβαλεῖν εὐθὺς εἰς μοναρχίαν.

Видно, что занимающие нас слова принадлежат к обычным вообще и привычным для Плутарха оборотам, являясь чуть ли не штампом литературной речи. Порядок слов в упомянутых выше примерах показывает большую свободу, и заметно, что Плутарх весьма искусно последней пользуется, нередко прибегая к гипербатам, как, скажем, в приведенном выше примере из *Num.* 6, 1 или *Aristid.* 19, 2: λίθον εἰς τὴν κεφαλὴν ἐμβαλεῖν μέγαν. Просмотр сотен употреблений ἐμβάλλω у Плутарха наводит на мысль о том, что это понадобилось ему *и для того*, чтобы глагол не оказался в конце синтагмы интересующего нас типа: в Плутарховой прозе преобладает – точно как в занимающем нас высказывании – постанова глагольной формы *посредине* соответствующей трехчленной группы.

Рассмотрение узуса Плутарха подталкивает, как будто бы, к выводу: метрическая форма высказывания εἰς πόλεμον ἀθῆς ἐμβαλοῦσα τὴν πόλιν – простая случайность, какую нередко можно наблюдать в прозе – например, в русской⁴. Более того: предположение о случайности метра в этом колоне получает поддержку, если привлечь распространенное мнение, что в обыденной греческой речи ямбические серии встречались и спонтанно, более того – часто⁵.

На этом стоит остановиться чуть подробнее, тем более что вопрос этот любопытен и сам по себе. Представление это восходит к Аристотелю, который неоднократно высказывался в этом смысле. Рассматривая историю метров в аттической драме, Аристотель рассуждает следующим образом: (*Poet.* 4, 1449 a 23–27 Kassel):

λέξεως δὲ γενομένης αὐτὴ ἡ φύσις τὸ οἰκεῖον μέτρον εὑρεῖ·
μάλιστα γὰρ λεκτικὸν τῶν μέτρων τὸ ἰαμβεῖον ἐστίν· σημεῖον

⁴ У Фонвизина в “Недоросле”: “Каков кафтанец Тришка сшить изволил?” или, там же: “Да видно, брат, поужинал ты плотно”. У Достоевского в “Неточке Незвановой”: “Вот дай тебе я ручку поцелую” и т. д. Даже у такого совершенного автора, как Пушкин, случаи невольных стихов в прозе – не редкость. Так в “Дубровском” встречаем подобие античного ямбического триметра: “Правда ли, что отымает он у нас именование?” В “Пиковой даме” попадают серии дактилей: “Твердость твоя для меня удивительна.

⁵ B. Snell. *Griechische Metrik* (Göttingen 1982) 21 f.

δὲ τούτου, πλείστα γὰρ ἰαμβεῖα λέγομεν ἐν τῇ διαλέκτῳ τῇ πρὸς ἀλλήλους, ἑξάμετρα δὲ ὀλιγάκις καὶ ἐκβαίνοντες τῆς λεκτικῆς ἀρμονίας.

Близко к этому и другое утверждение Аристотеля (*Poet.* 24, 1460 a 37 sq.): τὸ ἰαμβεῖον ... πρακτικόν. Гораций (*Ars poet.* 80–82) подхватывает оба эти высказывания.

Аристотель хочет объяснить, как произошел переход от трохаических тетраметров к ямбическим триметрам в диалогических частях трагедии; поскольку ясно, что переход к ямбам сопутствовал тенденции к более обыденному стилю речи в произведениях аттической сцены, Аристотель умозаключает: ямбические триметры, а вместе и ямбический метр, *по природе* ближе к разговорной речи. Поучительно и пространное рассуждение Аристотеля по этому кругу вопросов, очевидным образом высмеивающее риторические приемы в прозе Горгия и его поклонников: (*Rhet.* III, 1, 1404 a 25–36):

διὰ τοῦτο ποιητικῇ πρώτῃ ἐγένετο λέξις, οἷον ἢ Γοργίου, καὶ νῦν ἔτι οἱ πολλοὶ τῶν ἀπαιδευτῶν τοὺς τοιοῦτους οἶονται διαλέγεσθαι κάλλιστα. τοῦτο δ' οὐκ ἔστιν, ἀλλ' ἐτέρα λόγου καὶ ποιήσεως λέξις ἐστίν. δηλοῖ δὲ τὸ συμβαῖνον· οὐδὲ γὰρ οἱ τὰς τραγωδίας ποιῶντες ἔτι χρῶνται τὸν αὐτὸν τρόπον, ἀλλ' ὥσπερ καὶ ἐκ τῶν τετραμέτρων εἰς τὸ ἰαμβεῖον μετέβησαν διὰ τὸ τῷ λόγῳ τοῦτο τῶν μέτρων ὁμοιότατον εἶναι τῶν ἄλλων, οὕτω καὶ τῶν ὀνομάτων ἀφείκασιν ὅσα παρὰ τὴν διάλεκτόν ἐστιν, οἷς [δ'] οἱ πρώτοι ἐκόσμου, καὶ ἔτι νῦν οἱ τὰ ἑξάμετρα ποιῶντες [ἀφείκασιν]. διὸ γελοῖον μιμεῖσθαι τούτους οἱ αὐτοὶ οὐκέτι χρῶνται ἐκείνῳ τῷ τρόπῳ.

От представления о природной “диалогичности” ямба, подержанного конкретными наблюдениями над элементами ямбического метра в речах ораторов, было не так далеко до идеи о том, что ямбами была насыщена сама обыденная речь. Это отсюда, нам думается, а не из наблюдений за разговорной речью, Аристотель приходит к утверждению, которое засвидетельствовано как в процитированном выше месте из “Поэтики”, так и в *Rhet.* III, 8, 1408 b 33–35:

ὁ δ' ἰαμβος αὐτῇ ἐστίν ἢ λέξις ἢ τῶν πολλῶν (διὸ μάλιστα πάντων τῶν μέτρων ἰαμβεῖα φθέγγονται λέγοντες).

На наш взгляд, Аристотель привел бы и примеры ямбов из разговорной речи, и дополнительные аргументы, если бы пришел к этому утверждению не более или менее умозрительно, а на основе конкретных исследований, которые он умел и проводить, и

ценить. Если оценка наша верна, то к утверждению Аристотеля об особой близости обыденной речи к ямбическому ритму или даже метру надо отнестись с большей осторожностью, не принимая его на веру, как это обычно можно видеть⁶, и уж конечно не толкуя его чересчур буквально: ведь так можно дойти до представления, будто люди спонтанно говорят триметрами, чего Аристотель не говорил. Даже и утверждение, что спонтанные ямбические элементы в обыденной речи возникали чаще других метров, хоть и кажется тривиальным, не может, как мы полагаем, считаться бесспорным.

Судя по практике искателей фрагментов, в греческой (изящной) прозе помимо очевидных стихотворных цитат не слишком много полных и во всех отношениях правильных стихов: не забудем, что речь идет не просто о последовательности слогов, но и о известной синтаксической организации соответствующих слов. По крайней мере, находя правильные метрические образования и даже производя ради этого довольно смелые операции над текстами, филологи склонны рассматривать их как стихотворные цитаты, а не как стихи, случайно слетевшие с языка прозаика⁷; относится это и к Плутарху⁸. Или это получается

⁶ У тех комментаторов Аристотеля, которые нам известны, мы не встречали раздумий насчет того, можно ли считать восходящие к нему утверждения о преимущественной близости обыденной греческой речи к ямбу чем-то положительно установленным.

⁷ Мастерами отыскивать стихотворные цитаты были собиратели фрагментов, как А. Мейнеке и А. Наук (A. Nauck. Verse bei Prosaikern // *Philologus* 4 [1849] 357–361; 5 [1850] 551–563), систематически обследовавший Суду, Евстафия и схолиастов в поисках незамеченных стихов; однако спорадически опыты этого рода издавна представлены в ученой литературе, не иссякая и в последние десятилетия, например: Ed. Fränkel. Ein versteckter Tragödienvers? // *Philologus* 104 (1960) 138–140; W. Peek. Verkannte Verse // *ZPE* 17 (1975) 171–173; C. M. Mazzucchi. Tre citazioni adespote nel *Sublime* // *Aevum antiquum* 1 (1988) 223 s.; Ilona Opelt. Ein Sophokleszitat in der Verschronik des Konstantinos Manasses // *Glotta* 67 (1989) 243 f.; E. R. L. Martínez. Un nuevo trimetro de Solon // *Emerita* 43 (1995) 303–307.

⁸ Так Мейнеке (A. Meineke. *Philologicarum exercitationum in Athenaei Deipnosophistas spec. I* [Berlin 1843] 8) заметил в *De fac. lun.* 937 f (cf. *De Curios.* 517 f) стих *πεσύματ' ἀνδρῶν κάπολακτισμοῦς βροτῶν*, представляющий собой вариант к Aesch. *Suppl.* 937. На несколько стихов в плутарховых Моралиях указал М. Гаупт (M. Haupt. *Opuscula* III [Lips. 1876] 554–556): лирический фрагмент *De animi et corp. adfect.* 501 e; versus quadratus из *De garrulitate* 510 b; “carmen” из *Quaest. conv.* VI, 81, 693 f). Из новых исследователей, кроме названной в примечании 3 статьи Скотта, назовем В. Стеффена, который

потому, что, с одной стороны, филологу заманчиво найти новый поэтический фрагмент, с другой же стороны, искусная проза цитировать стихи любила, а случайных квазистихов старательно избегала?

Последнему действительно отвечало положение Аристотеля, который в одном из уже упоминавшихся нами пассажей, полемизируя с поклонниками Горгия, говорит так (*Rhet.* III, 8, 1408 b 21–22):

τὸ δὲ τὸ σχῆμα τῆς λέξεως δεῖ μῆτε ἔμμετρον εἶναι μῆτε ἄρρυθμον... (28–32) ὁ δὲ τοῦ σχήματος τῆς λέξεως ἀριθμὸς ῥυθμὸς ἐστίν, οὗ καὶ τὰ μέτρα τμήματα· διὸ ῥυθμὸν δεῖ ἔχειν τὸν λόγον, μέτρον δὲ μὴ ποίημα γὰρ ἔσται. ῥυθμὸν δὲ μὴ ἀκριβῶς· τοῦτο δὲ ἔσται ἐὰν μέχρι τοῦ ἦ.

Это изысканно лапидарное рассуждение⁹ со временем приобрело характер литературного запрета на стихи-бастарды, как о том свидетельствуют взыскательные римские наставники в искусстве литературной речи. Цицерон, признавая распространенность ямбического ритма и в латинской речи (*De orat.* III, 47, 182; *Orator* 57, 194), считает сохранение ямбических, как и прочих стихов, являющихся *plerumque casu, saepe natura* (*Orator* 51, 170), разительным недостатком для взыскательной прозы:

versus saepe in oratione per imprudentiam dicimus: est id vehementer vitiosum (*ibid.* 55, 189); ... evitandi continuati pedes; aliud enim quiddam est oratio nec quidquam inimicius quam illa versibus (*Orator* 57, 194).

Этому вторит Квинтилиан (IX, 4, 52 sqq., в особенности 71–73): *versum in oratione fieri multo foedissimum est totum, sed etiam in parte deforme*, причем приводятся и примеры *частичных* – *nota bene* – ямбических триметров из знаменитых произведений латинского красноречия; в том же духе высказывается Псевдо-Лонгин, (*О возвышенном*, 41, 1, ср. 39, 4.)

Таким образом, если невольные стихи (*versiculi*, чтобы употребить слово Квинтилиана, *loc. cit.*) на самом деле, а не по нев-

выявлял трагические фрагменты в *Amatorius* 757 b–c Плутарха (V. Steffen. *Miscellanea tragica, pars II // Scripta minora I* [Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdansk 1973] 196–202) и В. Люппе (W. Luppe. *Plutarch über den Anfangsvers der Melanippe des Euripides // WJA, NF 9* [1983] 53–56).

⁹ Влияние этого Аристотелева пассажа на формулировки Цицерона в *Orat.* 51, 172; 57, 191–196 демонстрирует В. Кроль (*M. Tullii Ciceronis Orator, erklärt von W. Kroll* [Berlin 1913] ad loc.); cf. *Quintil.* IX, 4, 56.

ниманию филологов все-таки относительная редкость у прозаиков (Kunstprosa)¹⁰, то на фоне строгих правил против спонтанных метров в греческой прозе это все еще не дает нам решающего аргумента в пользу того, что полные и правильные ямбические триметры не появлялись в менее притязательных прозаических текстах. Обследовать в ритмическом отношении разговорную, не прошедшую через стилизацию и / или редактирование речь современников Аристотеля, да и вообще в древней Греции сейчас, по-видимому, невозможно.

Аргумент *против* представления о чрезвычайной близости ритмов (а не этоса в целом) обыденной речи к ямбам можно, нам кажется, извлечь из истории ямбического триметра в аттическом театре. Попробуем скорее подражать Аристотелю, нежели повторять менее ответственные из его утверждений. Ведь общеизвестно, что вместе с уклоном во все более искусное воспроизведение разговорной речи и вообще обыденного стиля росло число разрешений и других вольностей в ямбическом триметре. Тенденция была настолько ярко и последовательно выражена, что статистика разрешений в долгих слогах ямбических триметров Еврипида стала опорой для приблизительной датировки ряда его недатированных пьес. Косвенным образом это обстоятельство означает, нам кажется, не только обогащение и усложнение рисунка стиха, но и то, что вложить в строгий ямбический метр Эсхила и Софокла нарочито обыденные или, по крайней мере, менее патетические интонации Еврипида было трудно. Ямб, таким образом, в диалогах трагедии был сперва весьма далек от обыденной речи, как и последняя – от строгих старинных ямбов. В манере Васисуалия Лоханкина современники Эсхила и даже интеллигентнейшие поклонники Еврипида не разговаривали; запись обычных разговоров афинян не дала бы, наверное, даже вольготных ямбов позднего Еврипида или Аристофана.

Таким образом, правильные ямбические триметры вряд ли часто возникали сами собой, а если нечто подобное изредка случалось, то было сознательно изгоняемо из художественной прозы, где строго следили за тем, чтобы *стихи невзначай* в прозе не оставались. Появление правильного триметра εἰς πόλεμον αὐθις ἐμβαλοῦσα τὴν πόλιν в заключительной части биографии Алки-

¹⁰ Нечто похожее на стихи можно без труда “находить” в прозе, если, кое-что удаляя, кое-что добавлять. Так, из Plut. Reg. et imp. apophth. 188d ‘καλοὶ γὰρ ὄντες’ ἔφη ‘καὶ ὑψηλοὶ (scil. κυάριττοι) καρπὸν οὐκ ἔχουσι’ не трудно было бы вывести καλοὶ γὰρ ὄντες καρπὸν οὐκ ἔχουσι < δὴ > и т. п.

виада поэтому примечательно и в том случае, если это не цитата, а неожиданный стилистический *промах* такого мастера прозы, как Плутарх. Ведь наблюдения за употреблением слов и конструкций, использованных в этом высказывании, показывают не только обычность этих выражений, но еще и необычность имеющегося только в одном случае метра – ведь в других случаях (в соответствии с рекомендацией Аристотеля) ритм в метр не переходит.

В случае, если перед нами всё-таки цитата, уместно было бы спросить себя, каково гипотетически её происхождение этой гипотетической цитаты. Давно известно, что в очень многих случаях определить, имеем ли мы дело с стихом из трагедии или комедии, бывает трудно¹¹. По содержанию такое высказывание вполне могло бы встретиться в трагедии, например у Еврипида, которого Плутарх, как известно, весьма охотно цитировал¹² и который подходил бы к данному случаю, когда столь ненароком, без каких-либо отсылок приводится стих, сам по себе мало примечательный: Плутарх, казалось бы, должен рассчитывать на популярность того *пассажа*, откуда этот стих был взят. Бледность стиха – не самая страшная помеха; встречается же у Плутарха (*Fab. Max.* 27, 1, 189 e) не слишком яркий стих πολλῶ σάλῳ σεῖσθεῖσαν ὄρθωσεν πάλιν, переделанный – по-видимому, самим Плутархом – из Софокла (*Antig.* 162 sq.), где читается: Ἄνδρες, τὰ μὲν δὴ πόλεως ἀσφαλῶς θεοὶ | πολλῶ σάλῳ σεΐσαντες ὄρθωσεν πάλιν. Трагической атрибуции, однако, противоречат соображения жанрового характера: если Плутарх действительно использует здесь цитату, то, связывая ее с Алкивиадом и никак не помечая ее введение, он, скорее всего, рассчитывает на читателя, который сам помнит, что она и окружающий ее (возможно, более интересный, чем она сама) контекст, относились к Алкивиаду. Для трагедии возможна разве что аллюзия на актуальные исторические события, а не четкое приурочение намека такого рода к определенному историческому лицу. Поэтому правдоподобнее, что слова эти (если они вообще откуда-то позаимствованы) происходят из комедии – ведь ἀρχαία Алкивиадом охотно

¹¹ О частых колебаниях исследователей между комедией и трагедией при атрибуции стихотворных фрагментов говорил К. Циглер (Ziegler. *Op. cit.*, 918, 919).

¹² К. Циглер (*ibidem*, 914–919) на основании собственных (не всегда опубликованных) материалов подвел промежуточный итог в интенсивно изучаемом вопросе о цитатах у Плутарха и его литературных симпатиях.

занималась; Аристофан и другие авторы древней комедии, которых охотно (не менее семи раз) цитирует Плутарх в биографии Алкивиада¹³, затрагивал своего интересного современника постоянно, начиная с “Пирующих” кончая “Лягушками”.

Есть и еще одно соображение, указывающее опять же в направлении древней комедии. Как отмечают исследователи ямбического триметра, при разрешении в первом долгом стоящая перед ним syllaba anceps у Еврипида как правило бывает краткой, между тем как у Аристофана syllaba anceps в этом же положении может быть (и часто бывает) долгой¹⁴. Таким образом, независимо от высказанного выше жанрово-смыслового соображения, наблюдение метрическое также ведет к тому, чтобы признать более правдоподобным источником *возможной* цитаты скорее ἀρχαία, чем трагедию.

Итак, если в разобранный выше пассаже Plut. *Compar. Alcib. et C. Marc.* 2, 233 e в словах εἰς πόλεμον αὐθις ἐμβαλοῦσα τὴν πόλιν перед нами не случайное соскальзывание прозы в ямбический метр, а сознательно введенная в прозу стихотворная цитата, то позаимствована последняя скорее всего из древней аттической комедии (возможно, одной из не дошедших до нас Аристофановых пьес), дававшей не слишком выгодную оценку действиям Алкивиада во время Гнилого мира – оценку, которую Плутарх разделял (*Alcib.* 14–15; *Nic.* 9–10, где особенно поучительна последняя фраза о втягивании в войну; ср. *Thuc.* V, 43–45), а потому – наряду с другими цитатами из древней комедии – охотно мог пустить в дело в заключительной части своего повествования о человеке, вызвавшем столько откликов у своих современников.

А. К. Гаврилов

Bibliotheca Classica Petropolitana

¹³ Перечень этих цитат см. в изд. Plutarque. *Vies* III (Paris 1990) 110–111.

¹⁴ Эта любопытная особенность приводится и обсуждается у Б. Снелля (B. Snell. *Griechische Metrik...* 20); наши собственные выборочные наблюдения на близких друг другу по времени “Птицах” и “Елене” это подтверждают. Долгий в начальной syllaba anceps в ст. 1–163 “Елены” встречается лишь в ст. 20 δὲ δόλιον εὐνήν, между тем как разрешение в первом longum после краткой в начальной syllaba anceps представлено у Еврипида достаточно часто (там же: ст. 1, 43, 54, 87, 139). У Аристофана, напротив, долгий перед разрешением в первом longum – вещь обычная: в “Птицах”, ст. 1–208, встречается одиннадцать таких случаев.

Die vom Verf. bemerkte Silbenfolge εἰς πόλεμον ἀδθις ἐμβαλοῦσα τὴν πόλιν bildet einen regelrechten iambischen Trimeter. Sie wird unter verschiedenen Aspekten daraufhin geprüft, ob Plutarch in seiner Prosa unversehens ein metrisches Gebilde unterließ, oder ob diese Worte ein in seinen Satz eingebautes Verszitat sind. Der *usus* von ἐμβάλλω bei Plutarch (mehr als 400 Stellen, die dank *TLG* leicht greifbar werden), erschließt mehrere Stellen, wo sehr ähnliche Redewendungen zu beobachten sind, die jedoch nie einen Vers bilden, so *Phoc.* 32, 8: εἰς πόλεμον ἐμβαλεῖν τὴν πόλιν, *Alcib.* 26, 5: τὸν πόλεμον εἰς τὴν πόλιν ἐμβαλόντας (cf. *Cato Min.* 35, 1); *Reg. et imp. Apophth.* 188d: εἰς τὸν πόλεμον ἐμβαλόντες τὴν πόλιν ἐλπῖσιν λαμπραῖς; *Demosth.* 25, 3: φυλάττεσθαι μὴ τὴν πόλιν ἐμβάλωσιν εἰς πόλεμον.

Für die Zufälligkeit des untersuchten Trimeters ließe sich anführen, daß nach Aristoteles das iambische Metrum in der ungebundenen Rede besonders häufig auftrat (*Rhet.* III, 8, 1408b). Cicero (*De orat.* III, 47, 182; *Orator* 51, 170; 55, 189; 57, 194) und Quintilian (IX, 4, 52–57, 71–73) wiederholen diese Feststellung, lehnen jedoch solche *versiculi* (Quintilian) *per imprudentiam* (Cicero) in der gepflegten Prosa ausdrücklich ab. Daraus ergibt sich, daß es sich bei dem angesprochenen Trimeter entweder um einen kleinen, aber bemerkenswerten stilistischen Makel in Plutarchs Kunstprosa oder tatsächlich um ein unbemerktes Verszitat handelt.

Der etwas blaß erscheinende Vers könnte – falls man ihn als ein Zitat verstehen soll – aus einer Tragödie stammen (vgl. z. B. den leicht veränderten Vers *Soph. Ant.* 163 in *Fab. Max.* 27, 1): Plutarch würde dann auch hier auf einen berühmten Passus eines bekannten Dichters anspielen. Die dabei von Plutarch seinem Leser zugemutete Fähigkeit, die Verbindung eines Verses aus einem alten Klassiker mit Alkibiades ohne weiteres herstellen zu können, weist aber eher auf die Alte Komödie, die sich gerne mit jener vielumstrittenen Person befaßt hatte, und von der Plutarch gerade im *Alcibiades* Verse mehrerer Dichter zitiert (Archippos, Aristophanes, Eupolis, Phrynichos, Platon), jeweils ohne das Stück zu nennen, aus dem sie stammen. In diese Richtung führt eine metrische Eigenheit des mutmaßlichen Verses, nämlich eine lange *syllaba anceps* vor einem aufgelösten 1. *longum*, die in Tragödie, selbst bei Euripides, äußerst selten war, bei Aristophanes hingegen häufig vorkommt. Es würde sich dann um ein bisher nicht erkanntes Adespoton der Alten Komödie handeln.